

ЕКАТЕРИНА БЛЫНСКАЯ

КРАЙ, ГДЕ ЕДИНЫ СВЯТОЙ НИКОЛАЙ И ВЕЛЕС...

* * *

Силы нет — ума уже не надо.
Если знаешь больше... подкажи.
Опал наряд сырого сада,
Тикали кузнечики во ржи.

Может быть, не стоило об этом?..
Посмотри, перед грядущей тьмой,
Станет сад по осени скелетом,
Обнажится дочиста зимой,

А потом, гуденьем пчёл наполнен,
Выпросит несмелые цветы,
Заплетутся скрюченные корни,
Изогнут тяжёлые хребты.

БЛЫНСКАЯ Екатерина Николаевна родилась в Москве. Поэт и писатель. Окончила Театральную мастерскую Ролана Быкова, работала в театре. Окончила Экономико-гуманитарный институт. Автор четырёх книг стихов: “Боязнь паденья”, “Закон несложный”, “Святослово”, “Всё забудь” и книги прозы “Змий Огнеярый, повести и рассказы”. С 2010 года жила в Сибири, в шахтёрском посёлке Тайжина. Работала в газете “Время и жизнь” в г. Осинники Кемеровской области. В 2013-м вернулась в Москву. Окончила Высшие литературные курсы Литературного института им. М. Горького. Дипломант литературного форума “Золотой Витязь”. Публиковалась в журналах “День и ночь”, “Зензивер”, “Нева”, “Сибирские огни”, “Дети Ра”, “45 параллель”, еженедельниках “Поэтоград” (Москва), “Литературные известия” и др. Член Союза писателей XXI века, член Союза писателей Кузбасса. Замужем, воспитывает четверых детей.

Так на почве, в бледной, бедной толще
Будто и у нас другая жизнь.
Даже и цветов не нужно больше,
Если уж корнями обнялись.

Ждёшь чего-то, а ещё не пожил.
Шмель над вербой бзыкает с утра.
Умирает стоя сад заросший,
Трескается бурая кора.

СОРОКА

Над Маринкиной башней — столбом тишина,
Круговертью ветра, недвижима стена,
Только вороны хрипло базарят.
Кто здесь прав... а никто, говорит им она...
На Руси нет любви — только жалость одна,
И черно, и синё тут от гари.
За Коломной широкое поле легло.
И не кажется злом очевидное зло,
Только сыпок наскок комариный.
Вишь, сказала мне бабка, была тут одна,
Стародревлих двоих самозванцев жена...
Только помню, что звали Мариной...
А потом, как её посадили сюда,
Прокляла и князей, и бояр навсегда...
И с тех пор на Руси нетолока...
Вроде кинулись было её убивать,
Как ударилась оземь, и люди-то, глядь...
А она обернулась сорокой...
Через век моя бабка не зрела почти.
Ей истории тёмной неясны лучи,
Ей, купеческой дочке, досталось
И в окопах кровавую жижу месить,
И потом о невыживших детях просить,
И, смахнув огневую усталость,
Говорит она что-то, и пахнет земля,
И мне в детское сердце вонзается жля,
А понять мне её не по силам...
И за что заточили царевну давно?
Я в пшенице теряюсь, сама, как пшено...
Виновата, что крепко любила...
И бежит до деревни тропинки стежок,
Бабка тяжело идёт, заливаает стрижок,
Кувыркается в горней остуде.
И всё ширится чёрное с белым пятно,
И стрекочет, и бьётся под сердцем оно
И всегда там, наверное, будет.

* * *

В лугах ещё не начался покос...
Моя Земля, что Господом хранима,
Прекраснее Иерихонских роз,
Блаженней храмов Иерусалима.
Мы в жизни то бегом, то кувырком
Спешим, летим... Но есть ночная морось,
Когда неповторимым ветерком

Весна от тела отделяет голос.
Когда по устью прыгает ручей —
Мне каждый камень памятен до дрожи,
Дороже всех персидских крепостей
И золота царьградского дороже...
А воздух прян, и влажен вешний сад.
Сирень вскипела изморозью вышней...
И, будто не поздней, чем час назад,
Бог создал землю и уснул под вишней.

* * *

Шурша листвою, залюбленной давно,
Дождями и ветрами предосенья,
Мне хочется поехать в Люблино
Тотчас же, а не ждать до воскресенья.
Найти качели в папином дворе,
Сесть на подразбитый край забора...
Особенно сегодня, в сентябре
Я понимаю, как ужасно скоро
Дни мчатся. Вот моя дорожка в парк...
Разлепленные веки листопада,
И пёс бегущий, и неспешный шаг,
И лиственниц желтеющих каскады...

И новых птиц несметные полки,
И гнутые боярышника ветки,
Которые рисую от руки
В тетради сына на листочке в клетку.
А дождь летит разреженно из створ,
Уже открытых для грядущих бедствий...
Но дом ещё стоит. И тихий двор
В песочницах растит чужое детство.

* * *

Мухе пора в домовину, а мне домой,
Шкурку печёной картошки в овсюг забросив.
Будет о чём подумать ещё зимой.
Яблок медовых щедро отсыплет осень,
Не дошептав остывшему очагу
Тайн суматошных, выдуманных безделиц, —
Так понимаю, что отпустить могу
Край, где едины Святой Николай и Велес,
Где над дерновыми избами муравьёв
Выросли глазки цикория голубого,
Где беспокойное сердце живёт моё,
Чтобы до ручки когда-то добиться снова.
Бродят сады, и воздух вечерний пьян,
Пахнут прозябшие плёсы далёким маем,
И серебристый месяц, идя в туман,
Нож из кармана медленно вынимает.